

ИЗВЕСТИЯ — «Прямая линия»

Леонид ПАРФЕНОВ:

Патриотизму лучше быть частным

Живой Парфенов отличается от эфирного темпераментом. Звонили ему нежные поклонники и страстные противники НТВ (судьба компании решалась как раз во время «Прямой линии» — утром вторника). В разговоре с почитателями и оппонентами Парфенов не иронизировал, не отшучивался, не уклонялся от ответов на самые скверные вопросы, но горячился, связывался в споры, расцветал от похвал и пытался воспитывать собеседника.

— Здравствуйте, я Ковалев Юрий Николаевич. Ваша компания работает на пользу русскому народу или она действует против президента и правительства?

— Чувствую по вашему вопросу, что у вас уже есть ответ на него. — Я к вам претензий не имею, ваша программа мне нравится.

— Поверьте, я с уважением отношусь к вашей точке зрения, поэтому выслушайте мою. Во-первых, я считаю совершенно невозможным писать через запятую:

антинародная, антипрезидентская, антиправительственная. Давайте разведем судьбы русского народа с судьбой правительства и президента. Правители уходят, страна остается. Россия, согласитесь, была в чем-то равна самой себе весь XX век при всех кульбах власти. Во-вторых, наверняка что-то в наших действиях и оценках было чрезмерным, возможно, мы увлеклись свободой, если хотите, безнаказанностью. Но мы так долго даже не пытались говорить друг другу правду, что и выражаемся часто коряво, и обижаем друг друга напрасно. Но, считая себя русским патриотом, полагаю, страна наша от пережестов в оценках не пострадает.

— Меня зовут Алексей. Скажите, вы готовы идти на компромиссы с «Газпромом»?

— Знаете, телебизнес — это очень специфический бизнес. Это ведь не Бабаевский кондитерский комбинат, где можно поставить новое управление силой, пустить конвейер, и он снова будет паковать шоколадные батончики. А насчет компромисса, то я свою меру знаю. Если мне, условно говоря, предложили бы в «Российской империи» в серии про Петра провести мысль, что именно тогда началось выстраивание исполнительной вертикали власти, то я вышел бы за вахту «Останкино», порвал удостоверение и никогда туда бы не вернулся. Может быть, я избалован последними десятью годами работы. Или слишком хорошо помню, как писал отклики на кончину Леонида Ильича от знатных сталеваров. Я снова так не смогу, даже если захочу — не получится.

— Здравствуйте, скажите, какой ваш ближайший проект?

— Ближайший — все-таки «Российская империя». В мае выйдут серии про Александра I, может быть, про Николая I. В сентябре будут готовы серии, которые закончат XIX век.

(Окончание на 12-й стр.)

— Здравствуйте, скажите, какой ваш ближайший проект?

— Ближайший — все-таки «Российская империя». В мае выйдут серии про Александра I, может быть, про Николая I. В сентябре будут готовы серии, которые закончат XIX век.

(Окончание на 12-й стр.)

Леонид ПАРФЕНОВ:

Патриотизму лучше быть частным

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Я, питерский пенсионер Травин Виктор Николаевич, постоянно смотрю НТВ — отличные журналисты, но одну чернуху гонят.

— Я не могу с этим согласиться, хотя частенько это слышу. Но давайте, я не буду вам навязывать свои представления о журналистике, а вы не будете навязывать свои нам. Мы будем за что-то друг друга любить, за что-то не любить. Это нормальные отношения. И нормально, что есть разные телеканалы, с разными точками зрения. Ведь не золотом по мрамору мы свои оценки пишем.

— Меня зовут Анна, я студентка. Мы все с вами, с НТВ. Мы восхищаемся вашими проектами. Вы нашли свою интонацию, свой язык без публицистических штампов. Вы делаете штучный товар — и что ни проект, то высший класс!

— Спасибо Аня. Ваши слова — бальзам на душу каждого человека, который пытается работать со словом. Нам как-то всегда совестно защищать самих себя, а когда вы говорите, что мы нужны, то получается, мы защищаем не себя, а возможность существования негосударственного телевидения. Боремся за разнообразие телевизионного меню в стране.

— А вы занимаетесь чем-то еще, кроме телевизионных проектов?

— Я ничем больше не занимаюсь. У меня нет ни хобби, ни бизнеса. Я ничего другого делать не могу и уже, думаю, не умею.

— Меня зовут Борис Эммануилович. Мне лично очень жаль было бы потерять вот такого, как вы, летописца, без прошлого нет будущего. И как вы лично думаете продолжать, если события примут худший оборот?

— Моя бабушка, царство ей небесное, всегда говорила: пока живой, о живом и думай. События начались 11 мая. Если бы все это время я истерил, а не делал «Империя», то превратился бы в протест-машину и стал бы никому не интересен. Работа — главный аргумент.

— Я москвич, Юрий. Совсем недавно имидж и рейтинг вашего канала были довольно высокими. А последнее время на протяжении всего информационного дня вы говорите только о своих болячках. Особенно усердствует Сорокина...

— Я не могу за глаза обсуждать работу своих коллег. Света не давала мне права быть ее адвокатом. Задайте, пожалуйста, вопрос мне.

— Я бывал в Германии. Там показывают гораздо больше немецких фильмов, чем американских, у нас — наоборот.

— Вы знаете, сколько в год выходит российских фильмов? При чем большинство из них совершенно непригодны для показа в вечерний прайм-тайм — время семейного показа. Советские же фильмы все изъезжены. Посмотрите сетку вещания, сколько показывается советских фильмов!

— Разбавьте познавательной программой, спортивной. Ведь спорт...

— Увы, спорт интересует только мужскую аудиторию. Ну не смотрят женщины спорт! А женщины — более массовый телезритель, нежели мужчины. До 10 вечера аудиторию не собирает даже фигурное катание — только футбол. Знаете, какие были скандалы у телевидения с Российской хоккейной лигой? Но хоккей сегодня не собирает зрителей даже днем в выходные. А после позора на чемпионате мира в Петербурге им нужно ближайшие пять лет вообще не телевидение не звонить! Играть бы лучше! Вот в Италии футбол — рейтинговый спорт, его смотрят. А после игр «Спартак» нам звонят и спрашивают, зачем мы показываем национальный позор!

— Я студент ЛГУ, 1-й курс, журналистика. В передаче Набутова вы сказали, что на нашем факультете ничему не учат.

— Общая подготовка необходима, мне кажется, нельзя научить. Журналистика — слишком живая и меняющаяся вещь, чтобы изучать ее по книжкам. Нужно учиться самому, и чем раньше вы начнете писать, тем лучше. Большинство моих коллег на НТВ, таких, как Сорокина, Киселев, Шендерович, не журналисты по образованию. И, пожалуйста, передайте от меня привет Марине Анатольевне Шишкиной, моей бывшей однокурснице и вашему нынешнему декану. Она наверняка на меня за такие слова разозлится.

— Леонид, у нас с мужем по поводу вашей программы произошел спор. Ему нравится все, а меня кое-что смущает. Зачем вы, например, сказали, что Ломоносов мало сделал открытий, повлияв-

ших на науку, что у Екатерины II были чесальщицы...

— Штат чесальщиц пяток был у Елизаветы Петровны.

— Какой-то акцент антипатриотичный...

— Почему? Что антипатриотичного в том, что у Елизаветы Петровны были чесальщицы. В ней много всего сочеталось. И тонкий вкус — известно, что она одевалась, может быть, лучше всех в Европе, была смолodu писаной красавицей, очень тяжело переживала свое увядание. Но при этом она была взбалмошной русской барыней, непутевой, оставила кучу долгов. В ее дворцах парадные комнаты поражали блеском, а в соседних бог знает какой мусор валялся.

— Конкретно — какая цель вашей передачи?

— Чтобы было интересно, чтобы оправдать зрителю вечер у телевизора, чтобы было познавательно и чтобы отметить дату 300-летия империи, Петербурга. И для того, чтобы понять: то, что началось когда-то, продолжается теперь, почувствовать, до какой степени эта история и про нас. Много разных целей, все не сводится к одной.

— Я кандидат наук и могу понять, что царица может так делать, а с точки зрения простого народа...

— Да не бойтесь вы за простой народ! Что такого в чесальщицах?

— Для царицы...

— Да человеком она была! Видимо, хорошей теткой, выражаясь простым-то языком. Мы уже проходили историю как борьбу классов. Она неинтересна, вечером ее по телевизору точно показывать нельзя. Нужно наконец перестать подходить к истории только с государственной точки зрения. Я пытаюсь как-то сформулировать, что, наверное, государство и государственная власть право на все-народный патриотизм имеют только в случае отечественной войны. Таковых было две всего в истории. Видимо, следующей уже не будет, эпоха глобальных войн прошла. Во всех остальных случаях мы разные, мы за разное и по-разному любим родину, и нужно наконец по этому поводу успокоиться и даже обрадоваться. Таково богатство проявлений и нас, и России. И это великое счастье. Да, телевидение упрощает историю, но такова природа телевидения, а еще природа нашего времени, очень телевизионного.

— Здравствуйте, Леонид, хотела бы спросить, каким вы видите своего основного зрителя. Для кого вы стараетесь?

— Мне хочется угодить разному зрителю. Впервые я об этом серьезно задумался, когда мы делали «Старые песни о главном». Нужно было объединить разную аудиторию — и пионеров, и пенсионеров, и бабушек и внушек, — которая смотрит дома телевизор на Новый год. Кому-то там был интересен репертуар, кому-то — исполнитель, одним интересно, как снято, а другие вспоминают молодость. Кто-то посчитает, что это стильно, а кто-то и слова такого не знает. Так и в «Империи» — одним интересны сами факты, а кто факты знает, тому приятно, что его развлекли. Кому-то просто понравится стилистика, а кому-то в этот вечер делать было нечего и он не пожалел, что включил телевизор.

Выходить в вечер семейного просмотра, когда телевизор работает как осветительный прибор, это значит бить по разным барабанам так, чтобы все тебя услышали. Зритель — это и родители, и дети. Хотя часто бывает, что у них нет общих интересов. Извините, что немного длинновато, но как смог. А как вас зовут?

— Ершова Надежда. А вы могли бы делать свою программу на другом канале?

— В другом месте? Нет. Я ведь делаю нечто воинственно негосударственное. Это не хорошо и не плохо. Вообще, я убежден, что патриотизму лучше быть частным, не казенным, поскольку казенный — он за деньги налогоплательщика. Любить родину за деньги налогоплательщика — какая-то патология. Кроме того, казенный патриотизм априори скучнее. Ничего не хочу сказать про государственные каналы — они вынуждены быть такими. Кроме задач развлечения, увлечения и отвлечения, есть еще и функции оффициоза, есть государственная точка зрения. Говорить о чесальщицах пяток Елизаветы на госканале, может, и проблематично. На это мне серьезно указала телезрительница, звонившая полчаса назад. Для меня сейчас перейти на государственный уровень — мука. Да и не позовут. За все годы не было ни одного приглашения на другой канал, потому что для всех, кроме НТВ, я буду заемным лицом.

Ольга КАБАНОВА